

ПРОКЛЯТЫЕ ГОРЫ

В самых темных уголках Хиша таятся нечистые силы. Пусть люменеты и борются за то, чтобы их родное владение стало местом ярчайшего просветления, однако это великоление бросает длинные тени – и в этих заброшенных местах правят зловонные дворы пожирателей плоти.

Расположившись на самой границе горной гряды священной Аваленории, Головокружительные Вершины царапают лучезарное небо Хиша. Давным-давно альвы Иметрики заключили договор с духами их скалистого дома, однако на склонах сбившихся в кучу копий из камня до сих пор не было ни одного аскетичного храма-алтаря. В долинах не разносилось звучное эхо; у подножия гор не было оставлено ни единого священного подношения. Воины-мудрецы Аларитов стерегут их периметр, но довольствуются тем, что принимают на веру слова своих земных духов-покровителей: Головокружительные Вершины прокляты, и нарушить их границы значит обречь себя на страшную судьбу.

Горы Аваленории правы в том, что держат своих учеников подальше. Уже долгие годы Головокружительные Вершины отравляет проклятие Ушорана. Хотя вурдалаки не ведут никаких записей, а их воспоминания покрывает туманная пелена безумия, поговаривают, что однажды Ушоран странствовал в этих землях и оставил после себя частичку собственной блистательной сущности. Но, конечно, то, что величественно для пожирателей, представляется сущим безумием тем, кто находится в здравом уме.

Правдива эта легенда или нет, когти проклятия погрузились в самую глубь Вершин. В глубоких ущельях разносится рычание падших каннибалов, а чистый воздух затмевает зловоние крови. Возможно, люменеты могли бы изгнать вурдалаков, будь у них достаточно веских причин, но цена такой основательной чистки будет неизбежно высокой и невыносимо страшной.

Окислившийся цвет плоти вурдалаков и остатки рыцарского нрава выдают их за боковую ветвь Загробного Плача, одного из Великих Дворов пожирателей. А вот принесли ли они безумие с собой или же потеряли рассудок уже среди Вершин – вопрос посложнее. Некоторые из ученых, знающих о пребывании вурдалаков, полагают, что сами горы поддались проклятию омерзительных, а их некогда прекрасные духи охватило коварное безумие. Если это правда, то они словно громадные, исполинские боги для этих вырожденцев – деградировавшие существа, у которых есть потребность в постоянных подношениях свежей крови от своих людоедов-поклонников.

Хоть вурдалаки и наводнили Вершины довольно давно, голод никогда не был угрозой для их мерзкого королевства. Кровопролитное людоедство играет в этом постоянстве отнюдь не последнюю роль, однако местные обитатели, рыщущие по землям вурдалаков, тоже снабжают их стабильным источником мяса, а с ними и бродячие банды Хаоса, намеревающиеся превратить Головокружительные Вершины в свой плацдарм, откуда потом можно будет вторгнуться в самые глубины Иметрики. Возможно, как раз поэтому владыки люменетов позволили вурдалакам остаться; руины по меньшей мере одного наполовину-отстроенного монастыря, принадлежащего слаанешитскому ордену Мирмидеша – живое свидетельство безрассудства тех, кто пытается обосноваться во владениях пожирателей.

Когда наступил катаклизм Войн Душ, власть в Головокружительных Вершинах принадлежала архирегенту Горстейну Мортевелю, также известному как Светлый Император. И пока некоторые омерзительные короли ненавидели или боялись Нагаша, считая его деспотичным божеством, Мортевель не имел с ними ничего общего; он был фанатиком Великого Некроманта, верным до самой крови. В необыкновенно сложной феодальной структуре, которая была принята в Головокружительных Вершинах, так говорили про тех, кто делился своей кровавой верой с другими, тех, кому Нагаш благоволил более остальных. Многие из самых известных омерзительных королей двора Мортевеля находились на службе у Вечного Царя в качестве жрецов, пока их душевнобольная паства высекала в склонах гор трупные святыни во славу Нагаша.

Но не вся омерзительная знать жаждала присоединиться к культу Светлого Императора. Главным среди таких был король-вурдалак Варшорн. Голод его и помешанность на теплой плоти были ничуть не меньше, нежели у его проклятых сородичей, однако Варшорн не был глупцом. Он помнил истории о заключении Короля-Мертвоведа и знал, что Нагаш не жалуется его народ, принимая его не больше чем за ресурс для своего безжалостного пользования. Все эти непозволительные сомнения не особо располагали его к ревностному Мортевелю. Прикрываясь честью, архирегент изгнал Варшорна и возложил на него обязанности хранителя горы Звездоклык. Будучи среди высочайших пиков Головокружительных Вершин, она, тем не менее, располагалась дальше остальных от кровавых усыпальниц, посвященных Отцу Нагашу, и потому считалась самым незначительным земельным участком двора. Для Варшорна же это место стало настоящей спасительной гаванью. Там он мог укрыть тех, кто поклялся ему в верности, руководить своей новой вотчиной и оставаться настороже, ожидая пришествия бури, которая, как он полагал, должна была вот-вот разразиться над империей Мортевеля.

Однако же Варшорн не желал просто ждать наступления рока, который поджидал их. Грязные слухи о том, что он собирает собственное войско, нужно было держать подальше от Мортевеля, чтобы тот ничего не заподозрил. Действуя очень осторожно, король-вурдалак отправил своих разведчиков на самые верхние склоны их нового горного дома. Им было приказано отыскать зверей, пронизанных некротической силой, и привести их к нему в логово в гниющих цепях.

Вскоре после этого проклятую кровь тех самых чудовищ, смешанную с его собственным нечистым ихором, подали на банкетный стол Варшорна. Те пожиратели-охотники, что отведали это благо, подверглись сильным изменениям: их тела раздулись, когти вытянулись, а долговязые руки обернулись перепончатыми крыльями. Тогда-то и выросла сила Безжизненного Дозора горы Звездоклык. Громадных Живодеров Склепа выпустили на волю у самых скалистых шпилей горы, дабы они устроили там свои новые логовища и наносили упреждающие удары по всему, что могло представлять малейшую угрозу.

В своем заблуждении Варшорн верил, что эти людоедские хищники – благородные наездники на пегасах, поклявшиеся защищать владение от опасностей, которые таятся внутри и грозят снаружи. Сидя в самых глубинах своей горной крепости, король-вурдалак размышлял о грядущем и готовился к худшему – какую бы форму оно ни приняло.